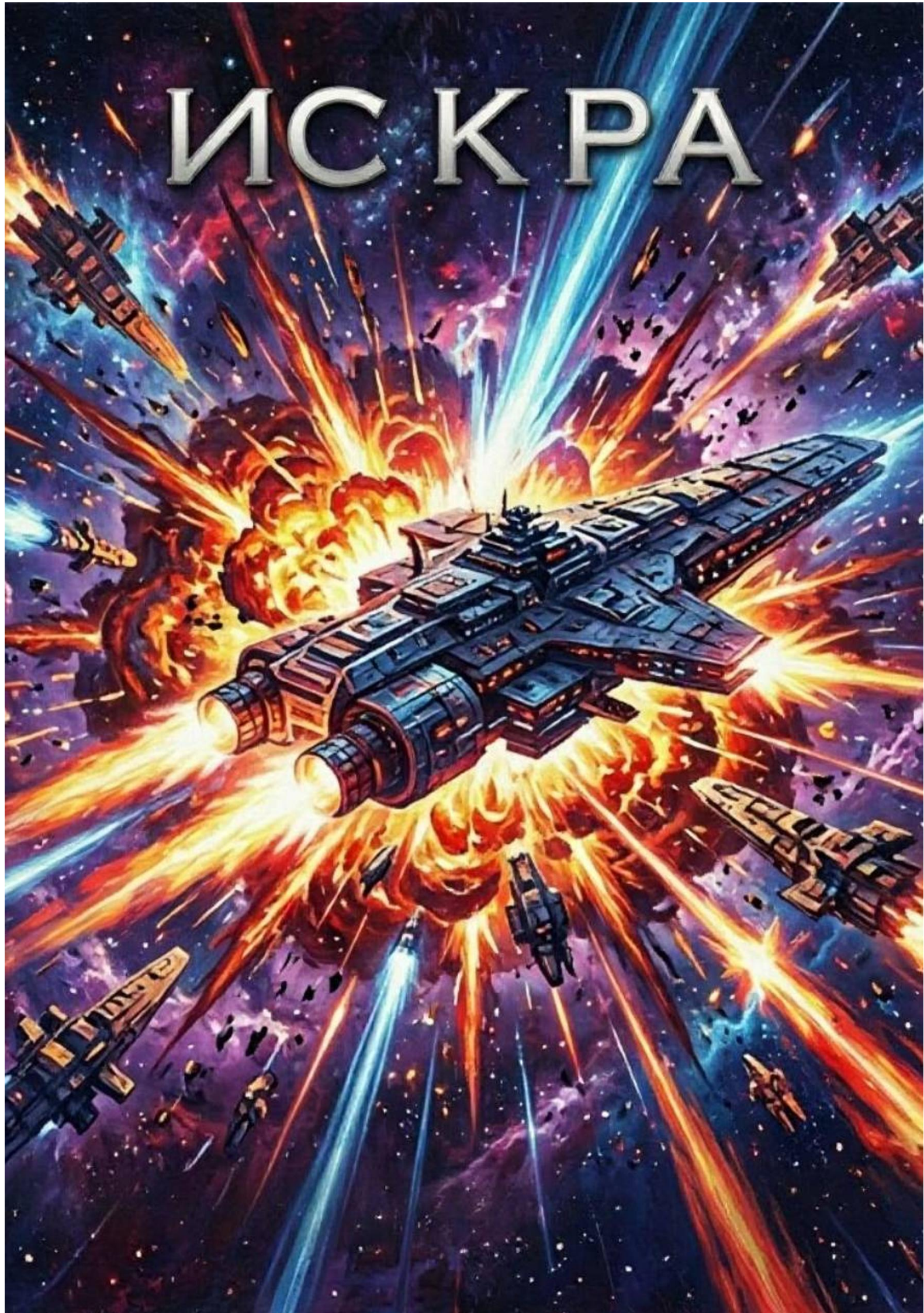

ИСКРА

Алексей Хамхаев

Искра

«Автор»

2026

Хамхаев А.

Искра / А. Хамхаев — «Автор», 2026

Миллионы лет назад Объединение «Альфа Центавра» раскололось. Гамма, одержимая жадой абсолютной власти, вышла из союза и начала войну, которая не закончилась до сих пор. Империя Альфа сражается с Альянсом за каждый мир, за каждую звезду — и однажды эта война приходит на Землю. Офицер Майлз — солдат, выживший там, где не выжил никто. Генерал Артемьев — стратег, который дал ему второй шанс. Дмитрий Порошенко — человек, решивший сжечь старый мир и построить новый. Их судьбы сходятся на маленькой планете, которая становится ареной для галактического конфликта и мировой катастрофы. Когда газ «Кобра Тех» распыляется над Южной Америкой, а лидеры европейских держав превращаются в послушных марионеток, начинается мировой пожар. И остановить его может только тот, кто сам прошёл через огонь. «Искра» — первый том саги о вечной войне, предательстве и мести, где Земля лишь пешка в игре, которую ведут миллионы лет

© Хамхаев А., 2026

© Автор, 2026

Алексей Хамхаев

Искра

Глава 1. Лихорадка

Задолго до того, как первый человек поднял глаза к звёздам, вселенная уже была стара. Ей было миллиарды лет. И в той древней вселенной существовало Объединение. Оно называлось «Альфа Центавра». Это была не империя, построенная на завоеваниях, и не союз разных рас. Это была семья. Один вид, один генетический код, один облик — и четыре пути. Четыре специализации, четыре цвета, четыре буквы греческого алфавита. Альфа — воины. Цвет бордовый, как запёкшаяся кровь на поле боя. Бета — целители и биологи. Цвет зелёный, как жизнь, которую они хранили. Гамма — стратеги и бюрократы. Цвет синий, как бесконечные карты галактик. Дельта — инженеры и логисты. Цвет жёлтый, как искры, летящие из-под сварочного аппарата. Они не враждовали. Вражда была бессмысленна — каждый зависел от другого. Альфа защищала. Бета лечила. Гамма планировала. Дельта строила. Четыре столпа, на которых держалась цивилизация. Между вселенными шла торговля. Галактические мантии — валюта, которую принимали везде. Корабли Объединения перевозили ресурсы, знания, технологии. Мир был не просто возможен — он был естественен. Так прошли миллиарды лет. Но ничто не вечно. --- Гамма всегда была особенной. Они были мозгом Объединения — стратеги, администраторы, те, кто считал, просчитывал, оптимизировал. Они видели мир не как хаос возможностей, а как систему, которую можно улучшить. Сделать эффективнее. Упорядочить. Со временем это стремление переросло в нечто иное. В убеждение, что они — единственные, кто знает, как правильно. Что остальные просто не понимают. Не видят. Не способны принять правильное решение. Это была та самая лихорадка. Лихорадка, которая сжигала души тиранов всех миров. Наполеон, Адольф, бесчисленные завоеватели, чьи имена терялись в пыли галактической истории, — все они болели ею. Жажда абсолютного порядка через абсолютную власть. Убеждение, что цель оправдывает любые средства. Гамма больше не хотела быть частью Объединения. Они хотели быть его хозяевами. --- Совет заседал на центральной станции — исполинском кольце, вращавшемся вокруг звезды, чьё имя люди никогда не узнают. Зал был огромен. Четыре сектора, четыре цвета. Дебаты шли циклами. — Мы предлагаем реструктуризацию, — говорил представитель Гаммы. Его голос был спокоен. Синяя броня поблёскивала в свете искусственного солнца. — Объединение должно быть централизовано. Единое командование. Единая воля. Мы слишком долго принимали решения голосованием. Это неэффективно. — Это тирания, — ответил представитель Альфа. Его бордовая броня, исцарапанная в тысячах учебных боёв, казалась грубой рядом с гладкой синей. — Ты говоришь о единой воле. Но я слышу другое: ты хочешь, чтобы мы подчинялись тебе. — Я хочу порядка. Я хочу, чтобы Объединение выжило. Мы теряем время в дебатах, пока внешние угрозы растут. Вы этого не видите, потому что ваша роль — воевать, а не думать. Представитель Альфа поднялся. Он был выше Гаммы на полголовы. Шрамы на лице — старые, побелевшие — пересекали лоб и щеку. — Наша роль — защищать, — сказал он тихо. — В том числе и от угроз внутри. Зал затих. Представитель Гаммы посмотрел на него долгим, оценивающим взглядом. Затем кивнул — скорее себе, чем собеседнику. — Хорошо, — сказал он. — Тогда мы уходим. Это слово — «уходим» — прозвучало как выстрел. --- Гамма вышла из Объединения. Не изгнание. Не раскол. Просто заявление: нас здесь больше нет. А через цикл началась агрессия. Первая колония пала без боя — она даже не поняла, что её захватили. Администраторы Гаммы просто заменили прежнюю власть. Тихо. Эффективно. Без единого выстрела. Альфа, Бета и Дельта остались. Они не выбирали войну — война выбрала их. Они называли себя Империей Альфа. Империей не в смысле завоевания, а в смысле порядка — старого порядка, где четыре цвета стояли плечом к плечу. И даже после всего, что случилось, они сохранили закон. Древний закон, высеченный в камне первого мира: уважать ценности, права и жизни других миров. Гамма отреклась от этого закона. Они стали Альянсом. Армией единой воли, марширующей через галактики. Так нача-

лась Великая Война. Она будет длиться миллионы лет. И однажды её тень упадёт на маленькую сине-зелёную планету, вращающуюся вокруг непримечательной жёлтой звезды. На Землю.

Глава 2. Антартр

Это была планета, которую нельзя было терять. Антартр. Третья планета в системе красного гиганта. На картах Генерального штаба Империи Альфа она была обведена тройным кольцом — высший приоритет. Ни одна другая планета в секторе не имела таких запасов. Редкие минералы. Энергетические кристаллы. Залежи тяжёлых элементов, которые требовались для производства межвселенских двигателей. Тот, кто контролировал Антартр, контролировал экономику целого рукава галактики. Галактические мантии — валюта, которую принимали везде, — обеспечивались именно такими мирами. Антартр был не просто ресурсной базой. Он был сейфом. Ключом. Артерией, по которой текли деньги и материалы. Потерять его означало не просто проиграть битву. Потерять его означало потерять инициативу в войне на столетия вперёд. Альянс тоже это знал. Именно поэтому они не пытались отбить Антартр обычными средствами. Они знали, что наземные силы Альфа уже высадились — сто тридцать тысяч бойцов, элита имперской армии. Знали, что каждый из этих солдат стоит десятка солдат Альянса. Знали, что в честном бою им не победить. Поэтому они не стали играть честно. --- День высадки был окрашен в бордовый. Транспортные корабли Империи входили в атмосферу Антартра, как капли расплавленного металла. Каждый корабль нёс на борту пятьсот бойцов. Они шли плотным строем, прикрывая друг друга от зенитного огня, который пока молчал. Капитан Джон Снейк стоял в десантном отсеке головного транспорта, держась за поручень над головой. Его броня — тёмно-бордовая, с глубокими царапинами от прошлых боёв — была надета идеально. Каждый ремень затянут. Каждый замок защёлкнут. Он не позволял себе небрежности. Никогда. Рядом стоял лейтенант Вайрон. Они служили вместе уже двадцать стандартных циклов — достаточный срок, чтобы понимать друг друга без слов. Вайрон был чуть ниже, чуть шире в плечах, с вечно спокойным лицом, которое редко меняло выражение. Зелёные элементы на его броне — наследие специализации Бета — говорили о том, что он прошёл медицинскую подготовку. Но сейчас в его руках была не аптечка, а штурмовая винтовка. — Волнуешься? — спросил Вайрон. Голос его звучал ровно, почти лениво. — Нет, — ответил Снейк. — Это просто очередная планета. — Очередная планета с крупнейшими залежами в секторе. — Значит, будет интересно. Вайрон хмыкнул. Он знал Снейка достаточно, чтобы понимать: тот никогда не скажет, если волнуется. Но Вайрон видел, как капитан проверяет оружие — методично, раз за разом, хотя оно было проверено ещё на орбите. Это был единственный признак. Единственная трещина в фасаде абсолютного спокойствия. Корабль тряхнуло. Входили в плотные слои атмосферы. — Приготовиться к высадке! — разнеслось по отсеку. Сто тридцать тысяч бойцов Империи Альфа готовились ступить на поверхность Антартра. --- Планета встретила их тишиной. Снейк ожидал сопротивления с первых секунд. Он ожидал зенитного огня, атак с флангов, засад. Но посадочная зона — широкая равнина с оранжевой, как ржавчина, почвой — была пуста. Только ветер гнал пыль, и где-то вдалеке, на горизонте, горела багровая полоса заката. Бойцы выгружались быстро. Десантные модули опускались один за другим, извергая из себя людей и технику. Бронетранспортёры. Мобильные командные пункты. Орудийные платформы. Всё занимало свои места согласно плану. Армия Империи разворачивалась, как хорошо смазанный механизм. Через час после высадки Снейк стоял на вершине невысокого холма и смотрел на позиции. Его батальон занял северный сектор плацдарма. Четыреста бойцов. Восемь бронемашин. Два мобильных медпункта. Вайрон уже развернул полевой госпиталь и теперь инструктировал санитаров. К Снейку подошёл офицер связи. — Капитан, получен сигнал от командования. Общий сбор через два часа. Будут распределять сектора ответственности. — Понял, — кивнул Снейк. — Кто командует операцией? — Генерал Ривз и его штаб. Также на связи капитан Дэниэлс — он координирует разведку. Снейк едва заметно поморщился. Дэниэлс. Они знали друг друга давно. Дэниэлс был компетентным офицером, Снейк не мог этого отрицать.

Но было в нём что-то, что всегда настораживало. Какая-то скользкость. Улыбка, которая никогда не достигала глаз. Слова, которые всегда звучали правильно, но оставляли неприятное послевкусие. — Передайте, что я буду, — сказал Снейк и отвернулся, давая понять, что разговор окончен. ---Капитан Дэниэлс находился в командном модуле на другом конце плацдарма. В отличие от Снейка, он не ходил по передовой, не проверял посты и не говорил с солдатами. Его работа была другой. Разведка. Координация. Анализ данных. Он сидел перед голографическим дисплеем, на котором вращалась карта планеты, и слушал доклады. Но мысли его были далеко от Антартра. Дэниэлс ненавидел Снейка. Ненавидел давно, глубоко и тщательно скрывая. Это началось ещё в академии. Снейк всегда был лучшим. Лучшим в тактике. Лучшим в стрельбе. Лучшим в рукопашном бою. Инструкторы ставили его в пример. Курсанты хотели быть на него похожими. А Дэниэлс всегда оставался вторым. Всегда в тени. Всегда «неплохо, но посмотрите на Снейка». Он думал, что со временем это пройдёт. Что служба расставит всё по местам. Но служба только усугубила. Снейк получал повышения. Снейк выигрывал битвы. Снейк стал легендой среди солдат. А Дэниэлс — всего лишь капитаном разведки. Важная должность, но не героическая. Не та, о которой слагают песни. И теперь они оба на Антартре. Вместе. На самой важной планете войны. Дэниэлс смотрел на карту и думал. Он знал, что Альянс готовит контратаку. Данные разведки были тревожными — противник стягивал силы к системе, и силы эти были значительны. Докладывать об этом командованию? Да, конечно. Но можно ли использовать ситуацию иначе? Идея пришла не сразу. Она формировалась медленно, как ядовитый кристалл, слой за слоем. Если Альянс нанесёт удар, и удар этот будет достаточно силён, батальон Снейка окажется в зоне поражения. А если связь в этот момент окажется нарушена — случайно, разумеется, — помощь не подоспеет вовремя. Дэниэлс не планировал убивать сто тридцать тысяч солдат. Нет, это было бы безумием. Он просто хотел, чтобы Снейк не вернулся. Чтобы его батальон попал под удар. Чтобы герой наконец оказался там, где ему место, — в братской могиле. Он не знал тогда, что его план сработает слишком хорошо.

Глава 3. Пепел

Удар Альянса пришёлся через три дня после высадки. Они не стали высаживать войска. Не стали пытаться отбить планету в наземном бою. Вместо этого они сбросили ядерные заряды. Много зарядов. Десятки, если не сотни. Они били по всей планете одновременно, стирая с лица Антартра всё, что Империя успела построить за эти дни. Снейк находился в своём батальоне, когда небо разорвалось. Первая вспышка была такой яркой, что на мгновение показалось — день наступил мгновенно, без рассвета. Затем пришла ударная волна. Она подняла бронемашину в воздух, как игрушки, и швырнула их на сотни метров. Солдаты, не успевшие укрыться, испарились на месте. — В укрытие! — заорал Снейк, но его голос потонул в грохоте. Он бежал, таща за собой Вайрона, который замешкался, пытаясь поднять раненого. Они упали в какую-то траншею — то ли окоп, то ли естественную расщелину — за секунду до того, как вторая ударная волна прошла над их головами. А потом наступила тишина. Не та тишина, что бывает после боя — с криками раненых, с отдалёнными взрывами, с гулом догорающей техники. Абсолютная, мёртвая тишина. Даже ветер стих, словно сама планета затаила дыхание. Снейк лежал на дне траншеи, придавленный телом Вайрона. Спина болела. Во рту был вкус крови и пыли. Он осторожно пошевелился — жив. Вайрон тоже застонал — жив. Они выбрались из траншеи только через час, когда радиационные датчики показали приемлемый уровень. То, что они увидели, не поддавалось описанию. Плацдарма больше не существовало. На его месте было ровное, оплавленное стеклянное поле, уходящее к горизонту. Кое-где из стекла торчали оплавленные остовы бронемашин — всё, что осталось от армады. Трупов не было. При такой температуре тела просто испарялись. Сто тридцать тысяч солдат Империи Альфа. Сто двадцать девять тысяч девятьсот девяносто восемь из них были мертвы. — Связь, — прохрипел Снейк. — Попробуй связь. Вайрон уже возился с коммуникатором. Устройство трещало, шипело, но не издавало ни одного осмысленного сигнала. Он переключил частоту — ничего. Ещё раз — ничего. — Глухо, — сказал Вайрон. Голос его дрожал. — На всех частотах. Либо аппаратура сдохла, либо... — Либо нас отрезали, — закончил Снейк. Они не знали, что в этот момент Дэниэлс на орбите, в безопасном командном модуле, отдал приказ обрубить все каналы связи с планетой. Официальная версия: ядерные удары повредили ретрансляторы, связь невозможна. Неофициальная: Дэниэлс хотел убедиться, что никто не выживет. Он почти добился своего. --- Двое выживших шли через мёртвую планету пять дней. Они нашли один из галактических самолётов — лёгкий разведывательный корабль, чудом уцелевший на окраине зоны поражения. Его системы были повреждены, но Вайрон, прошедший подготовку Бета, смог восстановить навигацию. Корабль был рассчитан на экипаж из четырёх человек, но сейчас их было двое. Снейк пилотировал молча. Он не говорил ни слова с того момента, как они вошли в корабль. Вайрон пытался заговорить с ним, но капитан только качал головой. Его лицо, всегда спокойное и собранное, теперь напоминало маску. Глаза смотрели в одну точку. Вайрон понимал. Он сам чувствовал то же самое. Сто тридцать тысяч. Они были единственными выжившими. И никто не пришёл за ними. Связь молчала. Ни один корабль не спустился с орбиты. Ни одна спасательная команда. Их бросили. Так они думали. Через три дня полёта они вышли на связь с патрульным кораблём Империи. Их подобрали, оказали медицинскую помощь, доставили на базу. Офицеры смотрели на них как на призраков — никто не ожидал, что с Антартра кто-то вернётся. — Мы думали, все погибли, — сказал им командир базы. — Связь оборвалась сразу после удара. Мы пытались пробиться, но радиационный фон... — Связь оборвали, — перебил его Снейк. Это были первые слова, которые он произнёс за трое суток. — Нас отрезали. Намеренно. — У вас есть доказательства? Доказательств не было. Только слова двух выживших. Против официального рапорта капитана Дэниэлса, в котором говорилось о трагической случайности, о повреждении ретрансляторов ядерными ударами, о невозможно-

сти спасательной операции. Снейк и Вайрон вернулись в Империю героями — единственными, кто пережил ад Антартра. Их чествовали. Им давали награды. Но Снейк не чувствовал себя героем. Он чувствовал себя преданным. Они не подавали виду. Ни он, ни Вайрон. Они приняли награды, приняли новые назначения, продолжили службу. Снейк получил звание капитана наземных сил и доступ к операциям на передовой. Вайрон остался лейтенантом, но перевёлся в медицинский корпус. Но внутри Снейка росло что-то тёмное. Холодное. Убеждение, что Империя, которой он служил всю жизнь, предала его. Что сто тридцать тысяч солдат были просто списаны со счетов. Что никто не собирался их спасать. Он не знал правды. Не знал, что во всём виноват один человек — Дэниэлс, который из зависти обрубил связь. Дэниэлс, который уже тогда начал свой подъём по карьерной лестнице, который со временем станет главным помощником самого императора. Снейк не знал. И никогда не узнает. Но он принял решение. Если Империя предала его, он ответит тем же. Не сейчас. Не сразу. Он будет ждать. Он построит свою армию. И однажды нанесёт удар. На Земле. Среди людей, которые даже не подозревали, что за война идёт над их головами.

Глава 4. Волк в цепях.

Земля. 2040 год. До событий в Ирландии ещё четыре десятилетия. Мир ещё не знал, что за ним наблюдают. Что где-то там, в глубинах космоса, две империи сражаются миллионы лет. Мир занимался своими делами — воевал, торговал, строил, разрушал. И где-то в этом мире, в Российской Федерации, сидел в камере смертников человек по имени Дмитрий Порошенко. Ему было тридцать четыре года. На вид — обычный мужчина. Среднего роста, худощавый, с аккуратной стрижкой и спокойными, почти добрыми глазами. Если бы вы встретили его на улице, вы бы не заподозрили ничего. Максимум — подумали бы, что он работает бухгалтером или менеджером среднего звена. Вы бы ошиблись. Дмитрий Порошенко был одним из самых страшных серийных убийц в истории страны. Его статья занимала несколько страниц убористого текста: убийство, поджог, убийство, поджог. Больше ста семей. Больше ста домов. Мужчины, женщины, дети. Он не различал. Они были просто цифрами в его бухгалтерии — потому что он делал это ради денег. Заказчик платил — он исполнял. Никакой идеологии. Никакой мести. Никакой личной неприязни. Чистый бизнес. Он сжигал дома вместе с людьми, потому что так было эффективнее. Огонь уничтожал улики, огонь создавал хаос, огонь пугал. И клиенты были довольны. Когда его наконец взяли — после пяти лет охоты, в которой участвовали лучшие оперативники страны, — он не сопротивлялся. Просто поднял руки и улыбнулся. — Я всё равно своё дело сделал, — сказал он. Суд был коротким. Пожизненное. Но потом Россия получила предложение от Соединённых Штатов. Америка искала подопытных. Заключённых особой опасности, тех, кого не жалко, тех, чья жизнь ничего не стоит. Для экспериментов. Для испытаний нового оружия — газов, излучений, психотропных веществ. Россия согласилась. Десять имён, десять человек. Среди них был Дмитрий Порошенко. Сделка была простой: деньги в обмен на людей. Российское правительство не интересовало, что с ними будут делать. С глаз долой — из сердца вон. Так Порошенко оказался в секретной лаборатории где-то в пустыне Невада. --- Лаборатория не имела названия. Только номер — Facility 77. Бетонные стены, стерильные коридоры, охрана на каждом углу. Здесь испытывали оружие, которое никогда не должно было попасть в официальные отчёты. Газ, от которого лёгкие растворялись за секунды. Излучение, которое выжигало нервную систему, оставляя тело живым, но пустым. Психотропные вещества, ломающие волю и превращающие человека в послушную марионетку. На Порошенко испытывали всё. Его привязывали к столу и вводили препараты, от которых кровь закипала в жилах. Его запирали в камере с газом и смотрели через стекло, как он задыхается, а потом — чудесным образом — выживает. Его допрашивали, пытали, ломали. День за днём, месяц за месяцем. Но он не сломался. Что-то внутри него — та самая холодная, расчётливая сердцевина, которая позволила ему сжигать семьи без тени эмоций, — держала его. Он наблюдал. Он запоминал. Он ждал. Он изучал своих тюремщиков так же методично, как когда-то изучал дома своих жертв. Их расписание. Их привычки. Их слабости. Охранник Смит любит выпить после смены. Техник Дэвис страдает от мигреней и часто отлучается в медпункт. Начальник смены Лоуренс тщеславен и падок на лесть. Два года. Два года он собирал информацию. Два года он строил план. И однажды ночью он осуществил его. Подробностей не знает никто. Официальный отчёт был засекречен и, скорее всего, уничтожен. Известно только, что в ту ночь в Facility 77 сработала пожарная тревога. Затем — сигнал о нарушении периметра. Затем — тишина. Когда группа захвата вошла в лабораторию, они нашли семь трупов охраны и пустую камеру Порошенко. Он ушёл. Прошёл тенью. Растворился в пустыне. С ним ушли ещё несколько заключённых — те, кого он отобрал лично. Те, кто был ему полезен. Свои люди. --- Следующие несколько лет Порошенко провёл в тени. Он не мстил. Месть — удел эмоциональных, а он не был эмоциональным. Он анализировал. Россия продала его. Америка пыталась. Капитализм видел в нём товар. Демократия — расходный материал. Он пересмотрел

всё, во что когда-либо верил. И пришёл к выводу. Коммунизм. Не тот коммунизм, о котором говорили на лекциях и писали в учебниках. Не равенство, не братство, не светлое будущее. Нет. Коммунизм Порошенко был другим. Это была идея огня. Идея очищения. Старый мир был болен — коррумпирован, продажен, жесток. Его нельзя было исправить. Его можно было только сжечь. И на пепелище построить новый. Правильный. Такой, где не будет России, которая продаёт своих. Где не будет Америки, которая пытается. Где власть будет принадлежать тем, кто знает, как ей распорядиться. Ему. Он начал строить сеть. Сначала — малую. Проверенные люди, бывшие заключённые, те, кому он доверял. Затем — шире. Коррумпированные чиновники, которым нужны были деньги. Оружейные бароны, которым нужны были клиенты. Радикалы по всему миру, которым нужна была идея. Он давал им всё. Одновременно он наводил справки. Информация была его главным оружием. Он искал то, что могло бы дать ему решающее преимущество. И нашёл. Где-то в Албании, в старом бункере, оставшемся от одной из бесчисленных балканских войн, хранился газ. Не просто газ. Оружие, созданное корпорацией «Кобра Тех». Порошенко вышел на след через своих людей в Восточной Европе. Он купил информацию. Затем купил сам газ. Те, кто дышал этим газом, не умирали. Они становились агрессивными. Избирательно агрессивными — к тем, кого назначит врагом оператор. Бомба замедленного действия. Идеальное оружие для того, кто хочет стравить мир сам с собой. Порошенко убрал газ на склады. Местонахождение складов не знал никто, кроме него и нескольких доверенных лиц. Он ждал. Ждал момента, когда сеть разрастётся достаточно, чтобы нанести удар. Ждать пришлось десятилетия.

Глава 5. Мученик

В те же годы, когда Порошенко строил свою сеть из теней, другой человек проходил свой собственный ад. Его звали Майлз. Просто Майлз. Если у него и было имя, он его не использовал. Может быть, оно было в старых файлах, в архивах армии, но сам он откликался только на «Офицер». Или просто «Офицер Майлз», когда требовалось уточнение. Он служил в охране аэропорта. Обычная работа для человека с его подготовкой — он прошёл армию, служил в спецназе, имел награды. Но он никогда не рассказывал о своём прошлом. Даже сослуживцы знали только то, что видели: спокойный, собранный, немногословный профессионал, который всегда оказывался в нужном месте в нужное время. В тот день он заступил на смену как обычно. Аэропорт гудел — тысячи пассажиров, сотни рейсов. Обычная суета. Майлз стоял у стойки досмотра, наблюдая за толпой. Сканировал. Искал аномалии. Первое, что он заметил, — группа мужчин, которые двигались не как пассажиры. Слишком синхронно. Слишком целенаправленно. Они не смотрели на табло, не искали выходы. Они смотрели на охрану. Майлз нажал кнопку вызова. — Внимание, код три-семь, — сказал он в микрофон. — Группа подозрительных лиц у терминала В. Ответить не успели. Мужчины одновременно выхватили оружие — автоматы, спрятанные под куртками. Первая очередь прошла по толпе, и аэропорт взорвался криками. Майлз действовал мгновенно. Он не думал — тело работало само, натренированное годами службы. Перекат за стойку, пистолет из кобуры, два выстрела — один из нападавших упал. Третий выстрел — второй. — Рассредоточиться! — крикнул он. — Увести гражданских к выходам! Охрана была немногочисленной — никто не ожидал атаки такого масштаба. Но Майлз организовал их за секунды. Он расставил людей, указал сектора обстрела, приказал заблокировать часть терминала. Он командовал, и они слушались — потому что в его голосе была уверенность. Потому что он знал, что делает. Позже, в отчётах, напишут, что террористы говорили по-русски. Что они кричали что-то о мести, о справедливости, о войне. Майлзу было плевать. Он видел врагов, и он их уничтожал. Бой длился семнадцать минут. Когда прибыл спецназ, всё было кончено. Террористы мертвы. Но и охрана — почти вся. Гражданские — сотни трупов. Аэропорт превратился в бойню. Майлз лежал среди тел. Пуля попала в позвоночник. Ноги не двигались. Он истекал кровью из дюжины ран. Но он был жив. Единственный выживший из своей смены. Сотни трупов вокруг — и один он, ещё дышащий. Сознание уходило и возвращалось. Он видел обрывки: чьи-то лица, яркий свет, голоса. Потом темнота. Очнулся он в госпитале. Белые стены, пиканье приборов, капельница над головой. Кто-то сидел рядом. Мужчина в форме, но не той, что носят в армии. Бордовая, с золотыми элементами. Чужая форма. — Вы Майлз? — спросил мужчина. Голос был спокойным, с лёгким акцентом. — Меня зовут майор Артемьев. Я представляю организацию, о которой вы никогда не слышали. Майлз не ответил. Он просто смотрел на говорившего, оценивая. Военная выправка. Взгляд прямой, не бегающий. Руки спокойно лежат на коленях — не дёргаются, не сжимаются. Профессионал. — Мне нужен ответ, — сказал Артемьев. — Мы можем вас вылечить. Полностью. Даже паралич. Но взамен вы будете служить. Не вашей стране. Не вашему миру. Кое-чему большему. Он помолчал, давая Майлзу время осмыслить. — Мы видели записи с камер аэропорта. Вы командовали, когда другие бежали. Вы спасли десятки жизней. Вы сражались до конца. Нам нужны такие люди. Майлз смотрел на него. Паралич. Беспомощность. Конец всему, чем он был. Или второй шанс. — Что за организация? — прохрипел он. Артемьев позволил себе лёгкую улыбку. — Империя Альфа. --- Так Майлз стал солдатом Империи. Лечение заняло месяцы. Их технологии были на голову выше всего, что знала Земля. Регенеративные камеры. Нанохирургия. Клеточная реконструкция. Паралич отступил. Раны затянулись. Майлз снова встал на ноги. Он узнал о войне. О Гамме, предавшей Объединение. О миллионах лет сражений. О планетах, которые горели в огне галактических битв. И о том, что Земля — лишь

маленькая точка на карте огромного конфликта. Но Майлз не чувствовал себя маленьким. Он чувствовал благодарность. Ему дали второй шанс, и он намеревался его использовать. Он вступил в ряды наземных сил Альфа. Прошёл обучение. Освоил технологии, которые людям не постичь ещё миллиарды лет. И узнал, что солдаты Империи живут до миллиона лет. Технология долголетия, встроенная в броню и имплантированная в тело. Вечная служба. Вечная война. Сергей Артемьев стал его наставником, а затем — другом. Они были разными. Артемьев — аналитик, стратег, человек, привыкший думать на десять шагов вперёд. Майлз — тактик, боец, человек, который решает проблемы здесь и сейчас. Но вместе они дополняли друг друга идеально. Они прошли через десятки операций. Подавляли мятежи, зачищали базы Альянса, защищали колонии. Майлз снова стал тем, кем был, — Офицером. Не по званию — звание у него было сержантским. По сути. Люди шли за ним не потому, что приказ предписывал, а потому, что верили ему. Артемьев за это время вырос до генерал-майора. Он командовал всё более крупными операциями, но никогда не забывал о друге. Они всегда шли вместе. Впереди были Афганистан, Припять, Камбоджа. Но до них ещё годы. А пока — пока они служили. И где-то в тени, на Земле, которую они поклялись защищать, Дмитрий Порошенко заканчивал последние приготовления к своему главному плану. Мировой пожар вот-вот должен был начаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.